

— Есть ли разница? — Магеллан остановился, нахмутив брови. Он не мог заметить никаких изменений.

— Разница есть, — вклинился Нарон, его голос звучал властно. — Морпехи! Слушайте, это касается всех вас.

Он бросил взгляд на Аокидзи и новичков. При виде адмирала у Нарона дернулся глаз. К счастью, недавние тренировки сделали его достойным противником.

— Нас это касается? — пробормотал один из морпехов.

Благодаря обостренным чувствам морпехи услышали вопрос Магеллана. Теперь, когда незваный гость заявил, что это касается их, они прислушались.

Нарон принялся объяснять, что произошло.

Гарп нахмурился.

— Постой. Ты хочешь сказать, что тебя, с твоей силой, бросили в Импел Даун? Штаб морской пехоты, должно быть, кишит идиотами.

Вице-адмирал знал, что морская пехота не идеальна. Но Нарон? Не может быть, чтобы такого сильного парня, как он, бросили в эту дыру. Гарп видел темную сторону морской пехоты, но закрывать на это глаза было проще, чем встретиться с ней лицом к лицу.

Вот почему он остался вице-адмиралом. Вернувшись в Ист-Блю, он не лез в дела морской пехоты, довольствуясь визитами в родной город.

Гарп был простым человеком. Он не искал неприятностей и не стремился к грязной стороне морской пехоты. Он предпочитал спокойную жизнь.

Нарон сдержал улыбку в ответ на вопрос Гарпа. Он не мог объяснить свою новую силу — никто бы не поверил, что это произошло в одночасье.

— Значит, все в порядке, — пробормотал Нарон. В любом случае никто не поверит его четкому заявлению. Лучше оставить все как есть.

— Значит, все это было просто большим недоразумением? — продолжал Гарп.

— Именно, недоразумение. Но это было раньше. Теперь все не так однозначно. Посмотри на тех парней, которые смотрят на меня. Они, должно быть, со стороны Акаину, готовы разорвать меня на куски своими глазами! — Нарон жестом указал на ястребиные носы вице-адмиралов, уставившихся на него с кинжалами.

— Верно, раньше это было недоразумение. Но теперь все по-другому, — вмешался Аокидзи.

— Это вы во всем виноваты, морпехи, — Нарон огрызнулся. — Из-за вашего извращенного чувства справедливости все становится еще хуже. Неважно, насколько я силен, но если я буду сражаться с вашими морпехами, они увидят только пирата, а не того, кто я есть на самом деле.

В голосе Нарона звучало презрение к искаженному представлению морпехов о справедливости. В их глазах, если он осмеливался сопротивляться, он автоматически становился пиратом, независимо от обстоятельств.

Его слова заставили вице-адмиралов попятиться. Они были высокопоставленными чиновниками, поэтому, конечно, знали о темной стороне морской пехоты. Сол, хороший человек, был заключен в тюрьму и погиб из-за этого.

— Ты прав, — признал Аокидзи. — Это проблема внутри морской пехоты, и, честно говоря, она вышла из-под контроля. Но ты также должен знать, что теперь твоя проблема не может быть решена.

— Верно, я никогда не думал, что это можно решить. В конце концов, это большое дело для ваших морпехов и вопрос справедливости! — Нарон сказал это с улыбкой, но его слова прозвучали крайне жестко для ушей Аокидзи и остальных.

— Преступник есть преступник, зачем говорить с ним о всякой ерунде? — Онигумо выхватил меч и по мощной дуге взмахнул им прямо в сторону Нарона, но Нарон отмахнулся от него небрежного удара.

— Вот почему я не хочу тратить время на разговоры с вами — вы никогда не слушаете. Даже если вы не правы, вы не признаете этого. Вы не можете решить проблему, поэтому продолжаете делать то же самое. Разве это не так? — слова Нарона задели их.

Люди на стороне морской пехоты явно почувствовали это.

— Ублюдок, я говорю тебе заткнуться!

Слова Нарона с каждым предложением все глубже врезались в память, нажимая на все их кнопки. Онигумо, не колеблясь, активировал Сеймей Кикан, и на него обрушился шквал мечей.

Он бросился на Нарона, но как бы он ни рубил мечами, они не могли нанести ни одного удара. Казалось, что Нарон был неприкасаем.

Нарон же выглядел совершенно спокойно, словно просто прогуливался по парку.

Уклоняясь от атак Онигумо, Нарон положил руку ему на плечо. Затем он активировал способность "Видящий".

Эта способность могла даже создавать жизнь, но не сейчас. Для этого требовалось слишком много Рейацу, и все, что бы ни создал Нарон, будет намного слабее его самого.

Против более слабых противников ее можно было использовать, но сейчас ситуация не подходила для создания жизни.

Создав жизнь, Нарон мог решить вопрос жизни и смерти другого человека одной мыслью.

Создать смерть напрямую было выше его сил, но если прикоснуться к противнику и позволить его силе фантазии вторгнуться в его тело, то он сможет легко победить врага таким образом.